

<http://www.nashagazeta.ch/news/cultura/16337>

НАША ГАЗЕТА

 nashagazeta.ch

Швейцарские новости на русском. Каждый день.

Actualité suisse en russe. Tous les jours.

КУЛЬТУРА

Глаза и пейзаж Террора / *Les yeux et le paysage de la Terreur*

Жорж Нива (© пер. Н.Сикорской), Женева, 13.09.2013

В пяти подобных общих могилах в Москве захоронено более 20 тысяч человек

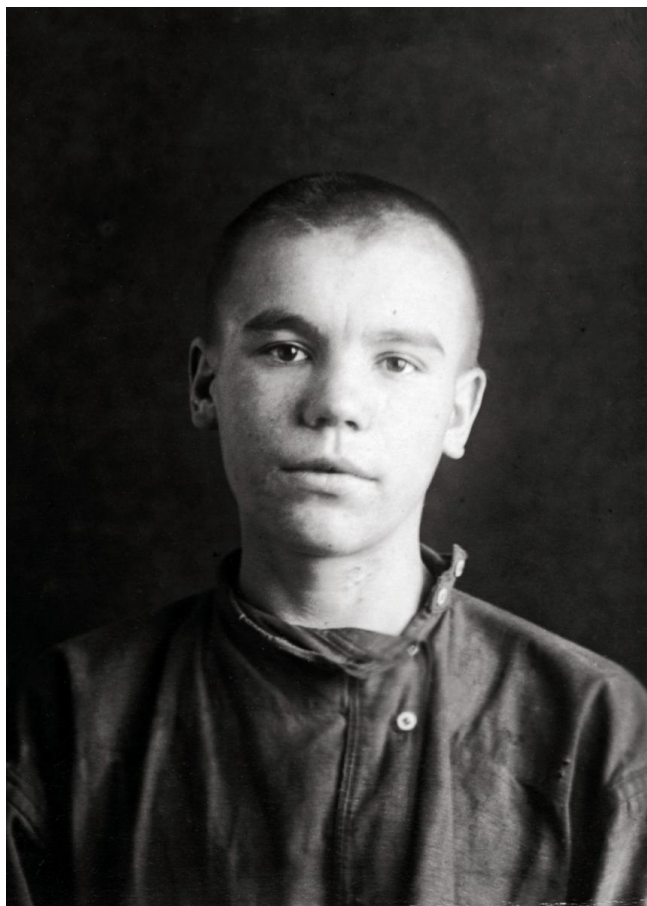
Предлагаем вашему вниманию еще один отклик на книгу, вышедшую в лозаннском издательстве Noir sur Blanc и никого не оставляющую равнодушным.

Voici une autre critique sur le livre publié par la maison d'éditions lausannoise Noir sur Blanc qui ne laisse personne indifférent.

В Токио есть музей масок Но, в котором посетитель проходит мимо тысяч белых масок, и все они разные: человечество в своем единстве и бесконечном асимптотическом разнообразии. Фотографии, которыми открывается потрясающий сборник [«Большой террор»](#), которым мы обязаны в равной степени польскому фотографу Томашу Кижни, московской Ассоциации Мемориал и историку Николаю Верту, исследователю русского коммунизма, напоминают эти загробные маски, застывшие в вечной боли и изумлении. Сделанные НКВД по прибытии задержанного в тюрьму, за два-три дня до расстрела, а то и в тот же день, эти снимки – гораздо больше, чем фотографии из личного дела. Они – вся Россия, с ее разнообразными народами, с ее коммунистами-энтузиастами,

приехавшими из глубинки или из-за границы, с представителями ее профессий, от самых скромных до самых престижных, – все они в ужасе застыли под взглядом Сатурна, явившегося поглотить их, детей революции. Живые и мертвые одновременно, словно этрусские надгробные памятники, они смотрят на нас своими широко открытыми глазами, как смотрели в объектив своих палачей.

Листая страницы, словно ведомые за руку Хароном, мы видим то безумные глаза с рисунка Гойи, то огромный лоб, обильную бороду, добрые мужицкие глаза, длинную шею студента-подростка, лорнет еврейского художника, одутловатое лицо начальника вокзала, иногда поднятые к небу, словно в молитве, глаза, пророческий облик сельского священника, простые лица русских крестьян, словно вырубленные такими же крестьянами, чеканные лица интеллигенции – везде этот пронизывающий насквозь взгляд.

Иван Белокашкин, род. в 1921, расстрелян в 1938, реабилитирован в 1955 г.

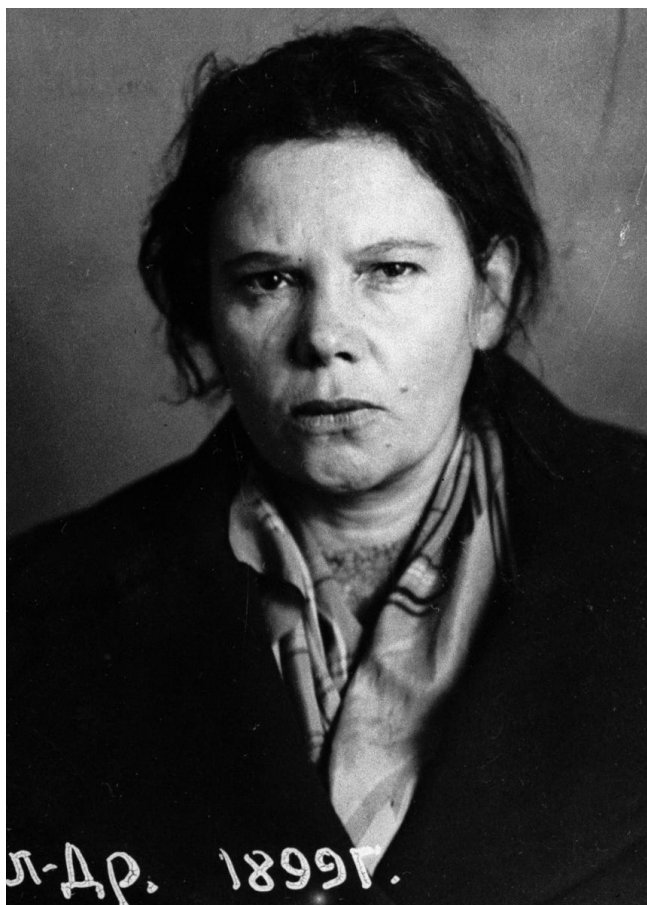
На обложке книги – одна единственная фотография, без названия, без автора. Мы входим в общую могилу, но от забвения спасено одно имя, и его следует упомянуть здесь: «Алексей Григорьевич Желтиков; русский; родился в 1890 году в деревне Демкино Рязанской области. Начальное образование. Вышел из РКП (б) в знак несогласия с Новой экономической политикой (НЭП) партии. Слесарь московского метро. Адрес: Москва, улица Садовая-Черногрозская 3, кв. 41. Арестован 8 июля 1937 года; приговорен к смертной казни 31 октября, расстрелян на следующий день. Реабилитирован в 1957 году».

О чем мечтал слесарь-идеалист, вышедший из партии, когда Ленин вновь ввел мелкую собственность в стране Советов? Пытали ли его? Лицо изборождено морщинами, губы тонкие, взгляд волевой, но растерянный, сильный подбородок. Слесарь мечтал о рае в России...

Вспоминается художник Зоран Мужич, единственный гениальный художник, сумевший живым выйти из лагеря, на этот раз немецкого, и немой крик умирающих в Освенциме: «Нет, мы не последние!» Взгляд слесаря московского метро тоже, кажется, говорит нам: нет, я не последний! (А какое красивое метро он построил!)

Еще одна сторона Террора, показанная в этой книге – обязательная амнезия. О ней свидетельствуют все фотографии близких, на которых вымараны лица «пропавших». Например, невероятная фотография группы друзей Зиновия Прокофьева, заместителя комиссара по сельскому хозяйству – на ней четыре головы замазаны зеленым карандашом, а три – фиолетовым. Прямо какой-то мрачный маскарад, сходка Ку-Клукс-Клана.

О чем же думал каждый из них, когда люк разверзся под их ногами? Благодаря дневникам, нескольким письмам Кижни предлагает часть ответов на этот вопрос. «Любит советскую власть», - мелким почерком пишет отец одного из них. А жена всем известного революционера Антонова-Авсеенко, бравшего Зимний? «Что бы со мной ни случилось, я буду благословлять тот день, когда мы познакомились... Тот факт, что я здесь, доказывает, что я

1940, реабилитирована в 1956

Мария Александровна Паппе, 1899 г.р., расстреляна в

совершила преступление, возможно, сама того не ведая». Десять дней спустя она неразборчиво пишет: «Скоро я не смогу уже связно говорить». Многие отказываются подписывать безумные обвинения. Таких палачи, по приказу политбюро, сутками избивали, в течение трех дней держали в положении сидя на краешке железного стула, без права ни на туалет, ни на что другое, или поджигали засунутую между губами папиросную бумагу, молотком выбивали зубы.

Нужно «переосмыслить Большой террор», - пишет Николя Верт. Мы живем уже не в эпоху ни «Йога и комиссара» Кестлера, ни даже «Большого террора» Роберта Конквиста. Российские историки обратились к архивам, и Кижни представляет нам ходатайства региональных секций НКВД, умоляющих разрешить им превышать квоты, уже огромные. Огромные настолько, что контингент «подозреваемых» исчерпывался столь быстро, что приходилось устраивать и в городах, и в деревнях настоящую охоту на людей.

Повсюду в огромной России были наскоро организованы расстрельные комнаты – с соблюдением точных инструкций. Чаще всего до пули жертвы получали удар молотка по голове. Эксгумации, проведенные немцами в Виннице в 1941 году стали первыми тому доказательствами (потом уже сами немецкие следователи продолжили массовые уничтожения, для себя). О пытках рассказывают протоколы показаний самих палачей, в свою очередь арестованных Берией в 1939 году, во время Чистки чисток.

Для прочтения этой книги надо обладать железными нервами – ориентиры быстро растворяются в оргии развязанного Сталиным государственного произвола. Я лично ходил на место одной тайной сталинской свалки трупов – в московском районе Бутово. Мы шли ночью по старинному имению, ставшему одной из роскошных дач Генриха Ягоды (первого главного палача Сталина, ликвидированного в 1937 году Николаем Ежовым, ликвидированного три года спустя Берией). Прекрасная природа, мирно высятся две церкви – здесь захоронено более тридцати тысяч трупов. Еще одно памятное место этой «индустрии» - Донское кладбище в центре Москвы, где крематорий, сданный в эксплуатацию в 1927 году той же немецкой фирмой, которая позже оборудует Освенцим, работал круглые сутки. Трупы доставлялись в грузовиках для перевозки хлеба.

Владимир Нилович Волков, 1878 г.р., православный священник, расстрелян в 1938, реабилитирован в 1989

Показательные процессы 1937 года были, напоминает нам Верт, лишь дымовой завесой, призванной скрывать истинный масштаб уничтожения. Но завесой, отлично созданной прокурором Вышинским и его сообщниками и сопровождавшейся тысячами митингами против предателей. Начиналась, используя выражение Анни Кригель, гигантская «общественная профилактика», о которой тоже красноречиво свидетельствуют фотографии документов. Море плакатов кричит: «Очистим советскую землю от подлых предателей Родины». Хор обвинителей был интернациональным. В Париже, как показала прошедшая недавно выставка «Интеллигенция», хор работал на полную катушку, обличал мощно, а советский павильон на Международной выставке в Шайо, со знаменитой статуей Мухиной, вызвал всеобщее восхищение.

И уж конечно не надо верить, говорит Никола Верт, что Никита Хрущев, бывший палачом до того, как стал реформатором, реабилитировал большинство жертв: каждый год удовлетворялось не более 6-8% ходатайств о реабилитации. Пришлось дожидаться 1987 года, чтобы были аннулированы все «судебные» решения сталинских троек, ограничивавшихся установлением личности (да и то, в книге представлены примеры многих расстрелянных анонимно).

Память об этих бесчисленных жертвах не существовала бы без ассоциации Мемориал, которая действует практически по всей России, обладая небольшими финансовыми средствами и огромным гражданским мужеством. Надо видеть леса крестов разной высоты, пришпиленные к деревьям фотографии, простые таблички, выросшие между берез и елей на месте 155 бывших братских могил, найденных Мемориалом. Во Владивостоке и Воронеже, в Санкт-Петербурге и в Ростове-на-Дону. Лилипутская армия воспоминаний растет в огромном российском лесу или прячется еще в заполненных останками оврагах. Сердце сжимается, когда листаешь страницы этого великолепного альбома. «Где брат твой Авель?», - шепчет невидимый хор.